

ИЗУЧЕНИЕ МЫШЛЕНИЯ В МОСКОВСКОМ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ КРУЖКЕ

В.М. РОЗИН^а

^а Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук, 109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

The Study of Thinking in The Moscow Methodological Circle

V.M. Rozin^a

^a Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1 Gonchamaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation

Резюме

В статье анализируются три основные темы: представления о мышлении, сформированные в античной философии и в Новое время, исследования мышления в Московском методологическом кружке, главным образом в работах Г.П. Щедровицкого, а также взгляды на мышление (своего рода концепция) автора. Рассматриваются взгляды на мышление в логике, методологии и феноменологии, обсуждаются проблемы развития и субъекта мышления, логических и методологических детерминант мысли. Автор излагает результаты культурно-исторической реконструкции становления мышления, показывая, что в античной философии сформировались три составляющие мышления: дискурсивная деятельность, включающая конституирование идеальных объектов, нормы мышления (образцы мышления, логические правила и категории), концепции мышления. Эту трехчастную структуру он называет «геномом мышления». Геном мышления заново устанавливается в Средние века и культуре Нового времени, поскольку меняются требования ко всем трем его составляющим. Автор характеризует представления о мышлении,

Abstract

The article analyzes three main topics: ideas about thinking, formed in ancient philosophy and in modern times, studies of thinking in the Moscow Methodological Circle, mainly in the works by G.P. Shchedrovitsky, as well as the author's views on thinking (a kind of conceptualization). The views on thinking in logic, methodology and phenomenology are considered, the problems of development and the agent of thinking, the logical and methodological determinants of thought are discussed. The author presents the results of the cultural and historical reconstruction of the formation of thinking, showing that three components of thinking were formed in ancient philosophy — discursive activity, including the constitution of ideal objects, norms of thinking (thinking patterns, logical rules and categories), concepts of thinking. He calls this tripartite structure "the genome of thinking." The genome of thinking was established anew in the Middle Ages and in the modern culture, as the requirements for all three of its components has changed. The author charac-

намеченные в трех программах Московского методологического кружка (семиотическое истолкование мышления, сведение его к деятельности, представление как «чистого мышления» в схеме «мыследеятельности»). При этом он считает, что Щедровицкому так и не удалось понять сущность и механизмы развития мышления. В свою очередь автор, опираясь на собственные исследования мышления, утверждает, что первый старт мышления представлял собой формирование клеточки мышления, а второй — включение клеточки мышления в институты модерна (науку, искусство, право, религию, эзотерику), которые существенно влияют на мышление. Последнее изменяется и трансформируется также под влиянием культуры, личности, проблем и вызовов времени.

Ключевые слова: мышление, личность, культура, программы, схемы, идеальные объекты, дискурсивная деятельность, нормирование, концепции, становление.

Розин Вадим Маркович — главный научный сотрудник, Институт философии РАН, доктор философских наук, профессор. Сфера научных интересов: методология, психология, философия.
Контакты: rozinvm@gmail.com

terizes the ideas about thinking outlined in the three programs of the Moscow Methodological Circle (semiotic interpretation of thinking, reducing it to activity, representation as “pure thinking” in the scheme of “thinking activity”). At the same time, he believes that Shchedrovitsky did not succeed in understanding the essence and mechanisms of the development of thinking. In turn, the author, relying on his own research on thinking, argues that the first start of thinking happened with the formation of the thinking genome, and the second start was the inclusion of the thinking genome in the institutions of modernity (science, art, law, religion, esotericism), which significantly affect thinking. The latter, in turn, changes and transforms under the influence of culture, personality, problems and challenges of the time.

Keywords: thinking, personality, culture, programs, schemes, ideal objects, discursive activity, rationing, concepts, formation.

Vadim M. Rozin — Chief Research Fellow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philosophy, Professor.
Research Area: methodology, psychology, philosophy
E-mail: rozinvm@gmail.com

Возможно, о мышлении больше всего написано в психологии, но мы рассмотрим исследования на эту тему в философии и специально в таком ее направлении, как Московский методологический кружок (далее — ММК), в котором автор проходил свои университеты, в том числе провел свое первое большое исследование, посвященное формированию в Древнем мире математического мышления. Не буду специально доказывать, это известно: представления о мышлении, развитые в философии, конечно же, оказали значительное влияние на психологические концепции мышления.

Мышление, с точки зрения познания, философии и методологии, — очень твердый орешек, практически до сих пор нет ясного понимания, что же это такое. В ММК, который в начале 1960-х гг. организовал мой учитель Георгий Петрович Щедровицкий, начинали исследования с задачи построения новой теории мышления, но впоследствии эту задачу оставили без решения, заменив на рефлексии и анализ мышления самих методологов.

Конечно, в логике и философии существуют ответы на вопрос о природе мышления, но в настоящее время они выглядят неудовлетворительными. Например, в формальной логике можно говорить о законах мышления и считается, что мышление в качестве правильных рассуждений — это неотъемлемое свойство человека во все времена: как в Древнем мире, так и сегодня. «Формальная логика, — пишет В.Н. Брюшинкин, — это дисциплина, изучающая законы формального мышления <...> Формальное мышление — это последовательность умственных действий по заранее заданным правилам <...> Логика — это теория правильных рассуждений» (Брюшинкин, 2001, с. 3, 7, 14). «Мышление, — как бы возражает Брюшинкину Георгий Щедровицкий, следуя здесь за Л.С. Выготским, — представляет собой исторически развивающееся, или, как говорил Маркс, “органическое целое”... Первая задача, которую должно решить выведение (это процедура реконструкции развития. — В.Р.), — генетически связать между собой различные операции, представить одни как развитие других» (Щедровицкий, 1995а, с. 39, 44). Сравним с высказыванием О.К. Тихомирова, который развитие мышления сводил к переходу от мысли к мысли (Тихомиров, 2002).

Чтобы объяснить развитие мышления, Щедровицкий с товарищами-методологами (к ним в 1960-х гг. относился и автор) под влиянием работ Л.С. Выготского сначала приписали мышлению роль семиотических средств, позволяющих преодолевать разрывы в «производственных системах» (так в то время представляли объект развития. — В.Р.); затем, после ряда проблем, свели мышление к деятельности, но в последний период своего творчества Щедровицкий снова развел мышление и деятельность, причем по поводу самого мышления («чистого мышления») уже практически мало что мог сказать. Сразу стоит отметить, что деятельность в ММК понималась в то время не психологически, а в логике марксистских исследований.

Утверждая, что «без языка и вне языка мышление не существует», Щедровицкий в начале 1960-х предлагает рассматривать схему знакового замещения как представляющую знание и мышление. Но начиная с середины 1960-х он сводит мышление к деятельности, правда, делая поправку на то, что эта деятельность специфическая: «Если мы рассматриваем мышление как деятельность, то, следовательно, надо говорить о мышлении как об особом виде деятельности, со своими особыми закономерностями» (Щедровицкий, 2005, с. 55). Однако в начале 1990-х гг. Щедровицкий признается, что мышление не удалось объяснить в теории деятельности, что мышление и деятельность как предметы исследования в определенном смысле независимы: «... анализ деятельности ведет совсем в другом направлении и сам может рассматриваться как ортогональный к анализу мышления и знаний <...> В реальном мире общественной жизни деятельность и действие могут и должны существовать только вместе с мышлением и коммуникацией. Отсюда и само выражение “мыследеятельность”, которое больше соответствует реальности и поэтому должно заменить и вытеснить выражение “деятельность” как при исследованиях, так и в практической организации» (Щедровицкий, 1995б, с. 297–298).

Щедровицкий занял критическую позицию в отношении своей же теории, поскольку был вынужден признать тот очевидный факт, что в 1980-е гг. начала кардинально меняться социальность, причем в новой становящейся реальности вскоре не осталось места деятельности в марксовом понимании. Вводя реальность мыследеятельности, важнейшей составляющей которой объявляется коммуникация, Щедровицкий пытается схватить эту новую социальность, предполагающую отказ от общепринятой монистической реальности, свободу отстаивания своих взглядов, наличие разных убеждений и сообществ. При этом он не может окончательно расстаться и с деятельностным подходом, в рамках которого вырос и действовал всю жизнь. Автор оценивает опыт исследования мышления своего учителя скорее как неудачный: с одной стороны, Щедровицкий недостаточно учитывал строение и особенности мышления, с другой — особенности теоретического описания им мышления определялись в первую очередь реализацией его собственных личностных ценностей, а также ценностями участников его семинаров и его последователей.

Если по мнению Щедровицкого мышление направляет (нормирует, программирует, проектирует) логика или методология, то Мартин Хайдеггер на роль инициатора и управляющего начала для мышления предлагает личность индивида. Кроме того, он, подобно Ж. Делезу и М. Фуко, признает за настоящее мышление только такое, которое преодолевает уже сложившуюся мысль и сложившиеся начала. В подлинном мышлении, по мнению Хайдеггера, новая мысль, образно говоря, выплавляется из «основонастроения», образует «событие, разрывает с первым началом и готовит начало другое». Если же всего этого нет, то нет и мышления, вместо него «лишь принужденный звон понятий и словесных оболочек» (Хайдеггер, 2009, с. 61).

На Хайдеггера ссылается и Делез, говоря, что мышление не может ограничиваться доброй волей в форме обыденного сознания, в этом случае оно невозможно. «Мышление мыслит лишь насильно, вынужденно встречая то, что “заставляет задуматься”, то, что следует обдумать — а обдумать нужно и немислимое, или не-мысль, т.е. тот постоянный факт, что “мы еще не мыслим”» (Делез, 1998, с. 173).

Эти соображения можно понять и как постановку проблемы о целеполагании в мышлении. Для психолога интересно, «является ли мышление чистым созерцанием, или у него те же законы, что у деятельности в целом — полагание цели, например? Вопрос о полагании цели в мышлении нетривиален. Ведь цель — подумать новую мысль, а до тех пор, пока ее не подумали, ее нет. Как можно двигаться к тому, что не известно?» — спросил автора психолог, прочитавший первый вариант данной работы. Мои исследования показывают, что первоначально мысль существует еще не как дискурсивная мысль, а в виде «проблемной ситуации» (этот момент на разные лады подчеркивал К. Поппер). Затем она конституируется индивидом как схема, гипотеза. Потом разворачивается в последовательность шагов рассуждения или какого-нибудь другого дискурса. И это еще не все: новая мысль проходит испытание и коррекцию в коммуникации, иногда предполагающей и обоснование.

Дж. Дьюи тоже подчеркивал, что мышление предполагает волевое усилие, работу, поскольку это исследование, поиск, и нелегкий. «Мышление, — разъяснял он, — касается всегда вещей неясных, неопределенных, незаконченных. Поэтому мышление есть исследование» (цит. по: Томюк, 2011, с. 33). Говоря об «акте мышления», Дьюи различает проблему, формулирование гипотезы о ее разрешении и испытание этой гипотезы (Дьюи, 1999).

Обсуждается и проблема, кто на самом деле мыслит: индивид (субъект) или так только кажется? Уже в конце жизни Щедровицкий полемизирует с российским философом В.Н. Сагатовским, утверждавшим, что нет никакой деятельности, а есть люди, которые мыслят или не мыслят. В ответ Щедровицкий говорит: «с моей точки зрения... мышление существует реально — как субстанция, независимо от того, есть люди или нет людей... Главное — что есть мышление, а на чем оно реализуется — неважно. <...> Утверждается простая вещь: есть некоторая культура, совокупность знаний, которые транслируются из поколения в поколение, а потом рождается — ортогонально ко всему этому — человек, и либо его соединят с этим самым духом, сделают дух доступным, либо не соединят» (цит. по: Щедровицкий, 1997, с. 55–57). В конце жизни это отношение с мышлением Щедровицкий осознавал даже мистически. «Лет в двадцать, — вспоминает он, — я почувствовал удивительное превращение... понял, что на меня село мышление и что это есть моя ценность и моя как человека суть <...> Все наше поведение — это лишь отражение и пропечатка мощи нами используемых социокультурных форм, *но никак не творение индивидуального ума*. И в этом смысле я говорю: игра — играет, а мышление — мыслит» (Там же, с. 54).

Остановлю проблематизацию, думаю, понятно: по поводу мышления в разных дисциплинах (логике, философии, методологии) сформулированы разные гипотезы. Моя цель — не столько высказать свой взгляд на мышление (хотя и это я буду делать), сколько задать пространство, в котором можно осмыслить разные указанные здесь представления о мышлении.

Начать можно с реконструкции становления мышления в Античности (Розин, 2015а, с. 75–83). В моих работах логика становления мышления выглядит примерно так. Где-то на рубеже VII–VI столетий до н. э. в Греции формируется личность, т.е. отдельные индивиды в связи с социальным кризисом и потерей веры в помощь языческих богов начинают переходить к самостоятельному поведению, необходимым условием которого выступает построение собственной картины мира и представлений о себе в нем. Как следствие — конфликты с общиной полиса и «разновидение» (общество видит мир одним образом, а личность другим, к тому же разные личности неодинаково). Преодолению «разновидения» способствует изобретение рассуждения, представляющего собой новый способ получения одних знаний на основе других в деятельности человека. Например, на суде Сократ, сближая представления афинян со своими убеждениями, рассуждает и получает знание о том, что «смерть есть скорее благо» (новое знание), поскольку «смерть похожа на сон» (одно знание), а «хороший сон, несомненно, благо» (другое знание). В данном случае умозаключение (новое знание) получается с опорой

на два других знания в рассуждении, являющемся не чем иным, как деятельностью индивида.

Правда, скоро выяснилось, что в рассуждении можно было получать не только обычные знания, но и знания, противоречащие другим знаниям или опыту. Вот, например, типичное софистическое рассуждение: «У человека есть коза, у козы есть рога, следовательно, у человека — рога». Или рассуждение «Зенона, что не существует движения, поскольку, чтобы пройти любое расстояние, нужно пройти бесконечное количество хоть самых маленьких отрезков (расстояние изображается отрезком, который делится до бесконечности), и так как для прохождения этих отрезков необходимо время, а оно получается тоже бесконечным, а ничто в бесконечное время пройдено быть не может, следовательно, пройти расстояние невозможно, движение не существует», это иллюзия (Там же, с. 83).

Возникла проблема, как рассуждать, чтобы не получались противоречия. Парменид в поэме «О природе» утверждает, что противоречивого мира (вещей) не может быть вообще, что правильное (истинное) знание («мысль») должно основываться на сущем («бытном», на том, что есть на самом деле), сущее же боги создали свободным от противоречий:

«Мысль и цель этой мысли — одно: ведь ты не приищешь
Мысли без Бытности той, которая в ней изречется.
Ибо нет ничего и не будет на свете иного,
Кроме Бытного, кроме того, что Мойра в оковах
Держит недвижимым и цельным. А все остальное — лишь имя,
Все, что смертные в вере своей как истину ставят.

Так как оно — последний предел, то оно завершено
Сразу со всех сторон, как тело круглого шара
Вкруг середины всегда равновесного, ибо не нужно
Быть ему ни с какой стороны ни больше, ни меньше.
Ибо Небытного нет, чтоб сдержать его в этом стремленьи,
Так же, как Бытного нет, чтобы сделалось больше иль меньше.
Бытное там или здесь: оно везде нерушимо,
Всюду равно себе, едино в сужденном пределе»

(Парменид, 1999, с. 40).

Почему «мысль и цель этой мысли» — отождествляются? Не потому ли, что «мысли без бытности не существует»? Другими словами, в рассуждении не только получают новые знания, но одновременно дается характеристика реальности (например, «у человека есть рога» или «движение невозможно»). Получается, что рассуждение в трактовке Парменида — это и деятельность индивида, и познание, конституирование реальности. Правда, у самого Парменида еще не было таких различий, они видны из нашего времени.

Следующий шаг делает Сократ, предлагая давать определения вещам, о которых индивид рассуждает. Думаю, он заметил, что в софистических рассуждениях

меняются признаки предмета (например, коза в первом утверждении «у человека есть коза» — это собственность человека, а во втором («у козы есть рога») — это отношение, выявленное в опыте). Сократ предложил с целью построения непротиворечивых рассуждений определять вещи и придерживаться в рассуждениях этих определений. Но что это означает? Из многих свойств вещей (так, реальная коза — это животное, которое дает молоко, имеет рога и четыре ноги, рождает козлят и т.д., и т.п.) коза, заданная определением (например, как собственность), существует только в рассуждении, создается человеком, имеет всего одно или два-три фиксированных свойства. В современной философии науки такие объекты называются «идеальными» (идеальные не в смысле совершенных, а условно); получается, что определения запускают построение идеальных объектов.

Сразу же возник вопрос об онтологическом статусе (бытности) идеальных объектов. Сократ на него не отвечает, а Платон говорит, что идеальные объекты (идеи, по Платону) и есть то, что существует объективно, их создали боги, дом их — небо, боги наделили идеальные объекты свойством непротиворечивости, иметь дело с идеями — это благо. Зато обычные вещи противоречивы, а их существование неподлинное, определяемое относительно идей (вещи, как говорил Платон, существуют «по приобщению к идеям»). Здесь, как мы видим, целая концепция, призванная убедить недоверчивого слушателя в существовании идеальных объектов как подлинной, главной реальности мышления.

Аристотель делает третий шаг по реализации программы Парменида. Во-первых, он резко возражает против идей Платона, утверждая, что тот незаконно объективировал смыслы определений. «Между тем, — пишет Стагирит, — Сократ правомерно искал существо вещи, так как он стремился делать логические умозаклучения, а началом для умозаклучений является существо вещи... Но только Сократ общим сторонам вещи не приписывал обособленного существования, и определениям — также; между тем сторонники теории идей эти стороны обособили и подобного рода реальности назвали идеями» (Аристотель, 1934, с. 29, 223).

Во-вторых, Аристотель сообразил, что «рассуждения — это не только деятельность человека, но и познание. Это различие позволило Аристотелю по-новому определить идеальные объекты, а именно как категории, соединяющие в себе деятельностное и онтологическое начала» (Розин, 2015а, с. 92–94). Например, характеризуя категории «вид» и «род», Стагирит пишет следующее: «...вид есть подлежащее для рода, ведь роды сказываются о видах, виды же не сказываются о родах. Значит, еще и по этой причине вид в большей мере сущность, чем род» (Аристотель, 1978, с. 67). «Однако ведь не сами роды сказываются о видах, а рассуждающий человек, который, если не хочет получить противоречий, размышляя, переносит признаки от рода к виду, но не наоборот (например, люди — это род, а Сократ — вид; можно сказать, что поскольку люди рождаются, болеют, умирают, то и Сократ — тоже, но нельзя сказать, что, так как Сократ мудр и лыс, и люди — мудры и лысы). Тогда и получается (с современной точки зрения), что рассуждения — это, с одной

стороны, деятельность человека, действующего по правилам (пока латентным, но затем Аристотель сформулирует их в “Аналитиках” в явном виде), с другой — познание, позволяющее получить непротиворечивые знания» (Розин, 2015б, с. 79–80)

В-третьих, Аристотель завершает работу, начатую Сократом. Помимо определений он предлагает в своих логических сочинениях («Категории», «Об истолковании», «Аналитики», «Топика», «О софистических опровержениях») систему правил и категорий, позволяющих рассуждать без противоречий.

В-четвертых, реагируя на нежелание греков рассуждать по правилам (ведь легче и свободнее действовать без правил и считать, как Протагор, что «человек есть мера всех вещей»), Аристотель в работе «О душе» утверждает, что человеку присуща такая способность, как мышление, которая как раз и позволяет рассуждать непротиворечиво. Мышление он определяет как область (способность), где не может быть лжи, и не просто как способность соединения и связывания, но и когда «предмет берется в самой его сути» (Аристотель, 1937, с. 97, 99).

Способность соединять (связывать) понятия мы бы сегодня отнесли к деятельности, а ум в своей сути, позволяющий схватывать истинное, — к познанию. Приписывая душе способность мышления и утверждая, что мышление позволяет получать истинные (непротиворечивые) знания, Аристотель склоняет рассуждающих пользоваться правилами и категориями, ведь именно последние обеспечивают непротиворечивые рассуждения и правильное познание. Получается, что мышление — это, с одной стороны, *естественное*, культурно-историческое образование, а с другой — образование *искусственное*, сознательно построенное человеком.

Обсудим тонкий момент, относящийся к разведению рассуждений и познания. Уже Платон говорит не только о рассуждении, но и о *диалектике* (исследовании), понимая под этим особый тип познания, предполагающий помимо рассуждений именованное, построение схем (изображений) и определений, доброжелательный диалог, своего рода озарение, в результате которого и открывается истина, т.е. искомое знание. В «Седьмом письме», характеризуя диалектику (а мы бы сегодня сказали — мышление), он пишет, что познание предполагает последовательную активность, где «четвертая ступень — это само знание, пятой же должно считать то, что познается само по себе и есть подлинное бытие» (Платон, 1994, с. 493–494), и все это нужно считать единым. «Лишь с огромным трудом, путем взаимной проверки — имени определением, видимых образов — ощущениями, да к тому же, если это совершается в форме доброжелательного исследования, с помощью беззлобных вопросов и ответов, может просиять разум и родиться понимание каждого предмета в той степени, в какой это доступно для человека» (Там же, с. 496).

И Аристотель различает рассуждения (правилам их построения посвящена «Первая аналитика»), доказательства («Вторая аналитика») и познание («Физика», «О душе»). Мышление Стагирит определяет, имея в виду не только рассуждения, но и познание. Душа, пишет он, схватывает в знании предметы, данные нам в чувствах или постигаемые мыслью (Аристотель, 1937, с. 102).

Но пока все же понятийно познание не было разведено с рассуждением. Позднее в истории философии эти две формы мышления дифференцируются, что артикулируется в противопоставлении логики и теории познания. Кратко сформулируем, на что стоит обратить внимание, рассматривая этот первый старт мышления.

- Рассуждения и познание представляют собой особую деятельность, ее можно назвать «дискурсивной», поскольку она состоит из ряда шагов (пути), в конце которых получаются новые знания. Осуществляет эту деятельность не деиндивидуальное мышление, как в споре с Сагатовским утверждал Щедровицкий, а становящаяся античная личность (индивид).

- Мышление предполагает нормирование (может быть, лучше сказать «конституирование») этой дискурсивной деятельности, т.е. подчинение ее образцам правильной мысли, правилам и категориям. Этот аспект мышления, действительно, склоняет трактовать мышление как деиндивидуальное образование.

- Одно из следствий нормирования — построение идеальных объектов и противопоставление их вещам (объектам практики). В результате возникла проблема, каким образом строить идеальные объекты, чтобы полученные на их основе знания можно было отнести к вещам, которые эти идеальные объекты представляют. Анализ работ Платона и Аристотеля показывает, что идеальные объекты строятся таким образом, чтобы, во-первых, относящиеся к ним знания были непротиворечивы, во-вторых, можно было решить поставленные проблемы, в-третьих — осмыслить и упорядочить эмпирические знания, характеризующие вещи (Розин, 2008, с. 84). Однако это современная интерпретация, античные философы понимали роль идеальных объектов иначе и по-разному.

- Мышление осознается двояко: с одной стороны, как дискурсивная деятельность, подчиненная правилам логики и категориям, с другой — как способность индивида. Последнее открывало дорогу «античной психологии».

- Мышление понимается как дискурсивная деятельность и одновременно как познание.

Здесь опять стоит уточнить: в каком смысле нужно понимать познание? С точки зрения философии Аристотеля, действительно, получение знаний о процессах, происходящих «по природе», выглядит как познание этих процессов. Но когда Платон в седьмом письме, разъясняя смысл философской работы (диалектики), говорит, что, если выполнены ряд условий, «может просиять разум и родиться понимание каждого предмета в той степени, в какой это доступно для человека», в этом случае, думаю, считать озарение познанием трудно, это скорее феноменологический дискурс, характеризуя который Пиима Гайденок говорит, что при соблюдении указанных феноменологами условий «предмет сам выйдет».

В мышлении изучаемый предмет не столько познается, сколько «концепируется» (схватывается, как говорили в средневековой философии, в речи и мысли), создается, хотя кажется, что он изучается. И в самом деле, любовь, о которой в «Пире» толкуют участники платоновского диалога, в античной

культуре еще не существовала, ее как идеальный объект с помощью схем и определений задает Платон (Розин, 2015б). Аналогично, мышление в работе «О душе» — тоже идеальный объект; мышление как реальный психологический феномен сложится еще не скоро (потребовалось не меньше полутора-двух сотен лет, чтобы античный человек усвоил правила и категории Аристотеля и у него сложилась способность, о которой пишет Стагирит). Тем не менее и знаниевая трактовка имеет смысл: хотя идеальные объекты создаются человеком с целью познания и непротиворечивого рассуждения, их относят к познаваемым объектам («вещам»).

Второй старт мышления относится к Новому времени, хотя, как известно, его подготовили Средние века. Ф. Бэкон и Р. Декарт подчеркивают, что изучение мышления должно быть главным, определяющим другие науки. Декарт пишет: «...почти никто и не помышляет о хорошем уме (*bona mens*) или об этой всеобъемлющей Мудрости, между тем как все другие занятия ценны не столько сами по себе, сколько потому, что они оказывают ей некоторые услуги» (Декарт, 1950, с. 80).

Индивид Нового времени считает, что познание направляется не Богом, как думали в Средние века, а самим человеком. Уже Николай Кузанский пишет, что человек — это второй Бог, а его разум (ум) — такая инстанция, которая не только познает, но и судит и направляет. Поэтому именно изучение мышления является ключом к познанию и науке. «Я, — говорит герой диалога Кузанского «Простец об уме», — назвал ум способностью концепировать. Поэтому, если он возбужден, он движется, создавая концепции, пока не достигнет понимания <...> Ум есть живая субстанция, которая, как мы знаем по опыту, внутренне говорит в нас и судит и которая больше любой другой способности из всех ощущаемых нами в себе духовных способностей уподобляется бесконечной субстанции и абсолютной форме» (Кузанский, 1980, с. 400–401, 415).

Декарт идет вслед за Кузанским, однако в уме он ищет твердое основание для концепирования, ощущений и правильного мышления. На роль такого основания назначается метод. В.С. Швырев пишет, что в культуре Нового времени учение о методе выступает основанием многих классических философских теорий, например Ф. Бэкона, Декарта, Лейбница. Метод, по его словам, обеспечивает «рефлексивный контроль над содержанием знаний, артикулируемость и прозрачность» содержания для познающего субъекта, «выступает средством прозрачности для самосознания субъекта» (Швырев, 2001, с. 553).

Тем не менее до XX столетия мышление формируется примерно так же, как и прежде: складываются новые дискурсивные деятельности (например, в философии и естественных науках), они нормируются, в связи с чем развивается логика (например, Дж. Миллем создается индуктивная), на основе идеи метода образуются предпосылки методологии, уточняется концепция мышления (например, признаются значение мыслящей личности и расширенное понимание логики). Но изучение мышления, причем в рамках естественно-научного подхода, начинается только во второй половине XX столетия.

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. Щедровицкий критикует формальную логику и утверждает, что она не наука о мышлении, а своего рода синтаксис одного из видов мышления. Он выдвигает тезис о необходимости разработки содержательно-генетической логики, которая бы представляла собой эмпирическую науку (наподобие точной науки) (Щедровицкий, 1995а, с. 37, 39–40).

Под влиянием работ К. Маркса в интерпретации А.А. Зиновьева и Л.С. Выготского формулируются гипотезы о развитии и семиотической природе мышления, а также трактовка мышления как деятельности. «Мышление, — пишет Щедровицкий, — есть прежде всего определенная деятельность, именно деятельность по образованию или выработке знаний. Ядро, сердцевину этой деятельности образует выделение определенных единиц содержания... и “движение” по этому содержанию... Мышление непрерывно развивается; изменение составляющих его средств происходит строго закономерно, т.е. определенные процессы мысли и знания могут появиться и появляются только после и на основе каких-то других процессов и знаний» (Щедровицкий, 2006, с. 184).

Я в ряде работ довольно подробно рассматриваю реализацию этой программы («построения теории мышления») и показываю, почему она была оставлена (Розин, 2010; Розин, 2011, с. 175–183). Оказалось, что развитие мышления нельзя свести к многоплоскостным замещениям знаков, что мышление не деиндивидуальное образование, да и само развитие мышления нужно понимать иначе. Отчасти неудачу этой первой программы Московского методологического кружка можно объяснить: отсутствовали опора на современные дискурсивные деятельности и их нормирование; мышление понималось примерно так же, как и другие объекты точных наук; предполагалось, что мышление можно перестроить, выявив законы его развития; семиотическая трактовка мышления оказалась ошибочной. Например, мышление предполагает оперирование знаками, но не сводится к этому процессу, оно в большей степени объект гуманитарной науки, чтобы понять его сущность и особенности, необходимо эмпирическое исследование.

Во второй программе Московского методологического кружка — «построение теории деятельности» — мышление было истолковано как вид деятельности, поэтому его исследование было на время отодвинуто в сторону. Теория деятельности была построена, но одновременно Щедровицкий приходит к выводу, что мышление нельзя свести к деятельности. Он возвращается снова к замыслу исследования мышления, называя его «чистым» и рассматривая как подсистему «мыследеятельности». «Пояс чистого мышления, — пишет Щедровицкий, — имеет свои строгие правила образования и преобразования единиц выражения и законы, причем достаточно монизированные; это все то, что Аристотель называл словом “логос”» (Щедровицкий, 1995б, с. 133, 297–298).

Другими словами, мой учитель приходит к выводу, что, возможно, начинать исследование мышления нужно было с Античности и работ Аристотеля, т.е. именно с того, с чего я и начал, отказавшись после примерно десяти лет

исследований развития математического мышления от первой программы, в реализации которой я активно участвовал в 1960-е гг.

Мышление, сформировавшееся в античной культуре и содержащее три основные составляющие — *дискурсивные деятельности, нормы и аристотелевскую концепцию мышления*, — я назвал «геномом мышления». В следующих двух культурах (средневековой и Нового времени) эти три составляющие мышления были установлены заново. Заново, поскольку сложились новые дискурсивные виды деятельности, изменилось понимание норм мышления, были созданы новые концепции мышления. Геномом эти составляющие я назвал потому, что, несмотря на изменение терминов, в новых видах мышления можно реконструировать указанные три составляющие. На первый взгляд, они выглядят как принадлежащие разным областям знания, но реконструкция показывает, что они связаны между собой: чтобы правильно рассуждать и решать проблемы, мысль нужно нормировать (для этого создаются определения, правила, категории), а чтобы передавать другим сложившуюся и нормированную мысль, необходима концепция мышления. Проиллюстрирую эти положения на материале реконструкции творчества Галилея (Розин, 2008, с. 292–308).

Действительно, анализ работ Галилея показывает, что, помимо рассуждений и доказательств, мало чем отличающихся от тех, которые мы встречаем у Аристотеля или Архимеда, он создает совершенно новый вид дискурсивной деятельности. Последняя представляла собой приписывание природным процессам характеристик, полученных из математических построений (схем), а также приведение в эксперименте этих природных процессов в соответствие с идеальными процессами, представленными в математических построениях (Розин, 2015а, с. 171).

Помимо образцов новой дискурсивной деятельности, Ф. Бэкон, Р. Декарт, Дж. Локк, И. Кант предлагают такие способы нормирования, как, например, обоснование, метод, рефлексия, получение знаний о мышлении в процессе его познания. И мышление теперь понимается иначе: это активность и деятельность ума и разума, обусловленная, с одной стороны, нормами мышления, с другой — активностью индивида.

Исследование автора показывает, что развитие мышления нельзя понимать как усложнение единого целого, как, например, в начале 1960-х гг. считал Щедровицкий (Щедровицкий, 2004), который и здесь, на мой взгляд, следовал за Л.С. Выготским

Если и усложняется, то только геномом мышления (и то не факт), а в целом мышление в каждой культуре изменяется и трансформируется (Розин, 2015а, с. 240–243). Так, в культуре модерна (XVIII–XX вв.) складываются ряд институтов (исследовательские лаборатории, университеты, готовящие ученых и философов), осуществляется поддержка науки со стороны государства и частных фирм, развиваются научная коммуникация, литература и пресса), которые оказали существенное влияние на мышление, в том числе, естественно, видоизменили его клеточку. Хотя мышление так и не стало полноценным институтом модерна, о чем мечтал Щедровицкий, но оно как интеллектуальная

институция, культивируемая традицией, идущей еще от Античности, входит в институт науки. В этом смысле можно сказать, что мышление модерна представлено геномом, функционирующим внутри институтов модерна (науки, философии, искусства, религии, эзотерики).

Изменяется мышление и под влиянием ситуаций и проблем внутри культуры. Например, формированию гуманитарного мышления способствовали невозможность строго реализовать естественно-научный подход относительно истории, человека, культуры, развитие новых видов дискурсивной деятельности, основанных на интерпретациях, герменевтике и диалоге, разведение наук о природе и духе.

Изменяется мышление и под влиянием личности, что было очевидным еще в античной философии. Хотя Аристотель сначала учился у Платона, потом он много лет критиковал его теорию идей и построил философию на других основаниях. Аристотель не принимал платоновскую идею проектного разума, иначе понимал соотношение неба и земли, идеям противопоставил представления о сущности и природе.

Философия и методология специализируются по отношению к мышлению в двух отношениях: с одной стороны, в этих философских дисциплинах осуществляются рефлексия и изучение мышления, с другой — философы и методологи направляют и сопровождают мышление. Например, с ретроспективной точки зрения, Парменид в поэме «О природе» предложил первую программу построения мышления, а Аристотель в работе «О душе» — первую концепцию мышления. В XX столетии Щедровицкий разрабатывает первую программу научного исследования мышления.

Стоит отметить, что философию и методологию не стоит сводить к мышлению. Да, они пользуются средствами мышления, так же, впрочем, как и средствами искусства, проектирования, программирования. Но не меньшую роль в философском и методологическом творчестве играют личность, коммуникация и сообщество.

Таким образом, если иметь в виду изменение мышления, то оно не является целым (т.е. объектом, которому мы можем приписать самостоятельное развитие). Целое представляет собой пространство (среда), координаты которого задаются культурой, личностью, коммуникацией, сообществом, философией и методологией. Трансформация этого пространства и обуславливает изменение мышления. Мышление сохраняется как таковое в силу возобновляемости генома мышления. В свою очередь в геноме мышления необходимо различать дискурсивные деятельности, нормы и концепции мышления. Кроме того, в культуре модерна геном мышления существует и функционирует в рамках институтов науки, искусства, религии и эзотерики.

В настоящее время перечисленные факторы развития мышления, так же как и все целое, кардинально меняются. С одной стороны, под влиянием кризиса модерна, с другой — становления «фьючекультуры». Исследования показывают, что интенсивно формируются новые виды дискурсивных деятельностей (междисциплинарные и трансдисциплинарные исследования, гуманитарно-социальные исследования и разработки, исследования в рамках

технонауки, в том числе ориентированные на обслуживание и развитие Интернета). Складываются также новые формы осознания и концептуализации мышления (в рамках когнитивных наук, мягкого варианта системного анализа, феноменологического подхода и дискурса, гуманитарно ориентированной методологии). Претерпевают трансформацию и основные социальные институты (государство, наука, промышленность и др.). Они перестают выполнять свои функции и захватываются другими институциями. Исчерпал себя и традиционный смысловой проект культуры – изучение и овладение первой природой, обеспечение за счет этого хозяйства и экономики, и благосостояния человека. Этот проект был сформулирован в XVII–XVIII вв., способствовал становлению и расцвету культуры модерна и одновременно нарастанию кризисных явлений (локальные и мировые войны, глобальные кризисы, перерождение социальных институтов). Встает неотложная необходимость построения нового смыслового проекта, одной из целей которого будет спасение и продолжение жизни на Земле. Все перечисленное говорит о том, что складываются предпосылки для третьего старта мышления. Мышление фьючекультуры, вероятно, будет более сложным и поэтому потребует более развитой методологии, интенсификации коллективных форм работы, проектной и одновременно исторической навигации, поиска более эффективных форм концептуализации.

Литература

- Аристотель. (1934). *Метафизика*. М.; Л.: Соцэкгиз.
- Аристотель. (1937). *О душе*. М.: Соцэкгиз.
- Аристотель. (1978). Категории. В кн. Аристотель, *Сочинения* (в 4 т., т. 2, с. 61–91). М.: Мысль.
- Брюшинкин, В. Н. (2001). *Логика: Учебник*. М.: Гардарики.
- Декарт. (1950). *Избранные произведения*. М.: Политиздат.
- Делез, Ж. (1998). *Различение и повторение*. СПб.: Петрополис.
- Дьюи, Дж. (1999). *Психология и педагогика мышления (Как мы мыслим)*. М.: Лабиринт.
- Кузанский, Н. (1980). *Собрание сочинений* (в 2 т., т. 2). М.: Мысль.
- Парменид. (1999). О природе. В кн. *Эллинские поэты VIII–III вв. до н.э.* М.: Ладомир. <http://ancientrome.ru/antlitrg/parmenid/parmen.htm>
- Платон. (1994). Седьмое письмо. В кн. Платон, *Собрание сочинений* (в 4 т., т. 4, с. 475–504). М.: Мысль.
- Розин, В. М. (2008). *Наука: происхождение, развитие, типология, новая концептуализация*. М.; Воронеж: МПСИ; НПО «МОДЭК».
- Розин, В. М. (2010). Построение теории мышления – «синяя птица» Г. П. Щедровицкого. В кн. *Георгий Петрович Щедровицкий* (с. 71–109). М.: РОССПЭН.
- Розин, В. М. (2011). *Научные исследования и схемы в Московском методологическом кружке*. М.: Фонд «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого».
- Розин, В. М. (2015а). *Мышление: сущность и развитие. Концепция мышления. Роль мыслящей личности. Циклы развития мышления*. М.: ЛЕНАНД.
- Розин, В. М. (2015б). *«Пир» Платона: новая реконструкция и некоторые реминисценции в философии и культуре*. М.: Институт философии РАН.

- Тихомиров, О. К. (2002). *Психология мышления*. М.: Академия.
- Томюк, О. Н. (2011). Концепция опыта в инструментализме Джона Дьюи. В кн. *Эпистемь: сборник научных статей* (вып. 6, с. 28–34). Екатеринбург: Ажур. https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/25871/1/episteme_2011_04.pdf
- Хайдеггер, М. (2009). Вклады в дело философии. От события. «Герменей» – *Журнал философских переводов*, 1(1), 56–95.
- Швырев, В. С. (2001). Методология. В кн. *Новая философская энциклопедия* (в 4 т., т. 2, с. 553). М.: Мысль.
- Щедровицкий, Г. П. (1995а). О различии исходных понятий содержательной и формальной логики. В кн. Г. П. Щедровицкий, *Избранные труды* (с. 34–50). М.: Школа культурной политики.
- Щедровицкий, Г. П. (1995б). Схема мыследеятельности – системно-структурное строение, смысл и содержание. В кн. Г. П. Щедровицкий, *Избранные труды* (с. 281–299). М.: Школа культурной политики.
- Щедровицкий, Г. П. (2004). Проблемы логики научного исследования и анализ структуры науки. В кн. *Из архива Г. П. Щедровицкого* (т. 7, с. 9–75). М.: Путь.
- Щедровицкий, Г. П. (2005). *Знак и деятельность*. М.: «Восточная литература» РАН.
- Щедровицкий, Г. П. (2006). *О методе исследования мышления*. М.: Фонд «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого».
- Щедровицкий, Л. П. (1997). А был ли ММК? *Вопросы методологии*, 1–2, 49–58.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Aristotle. (1934). *Metafizika* [Metaphysics]. Moscow; Leningrad: Sotsekgiz.
- Aristotle. (1937). *O dushe* [On the soul]. Moscow: Sotsekgiz.
- Aristotle. (1978). Kategorii [Categories]. In Aristotle, *Sochineniya* [Writings] (in 4 vols., Vol. 2, pp. 61–91). Moscow: Mysl'.
- Bryushinkin, V. N. (2001). *Logika* [Logics]. Moscow: Gardariki.
- Descartes. (1950). *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Politizdat.
- Deleuze, G. (1998). *Razlichenie i povtorenie* [Discrimination and repetition]. Saint Petersburg: Petropolis.
- Dewey, J. (1999). *Psikhologiya i pedagogika myshleniya (Kak my myslim)* [Psychology and pedagogy of thinking (How we think)]. Moscow: Labirint.
- Heidegger, M. (2009). Vklady v delo filosofii. Ot sobytiya [Contributions to Philosophy. The event]. «*Germeneya*», *Zhurnal Filosofskikh Perevodov*, 1(1), 56–95.
- Nicholas of Cusa. (1980). *Sobranie sochinenii* [Collected works] (in 2 vol., Vol. 2). Moscow: Mysl'.
- Parmenides. (1991). O prirode [On nature]. In *Ellinskie poety VIII–III vv. do n.e.* [Hellenic poets of the VIII–III centuries BC]. Moscow: Ladimir. <http://ancientrome.ru/antlittr/parmenid/parmen.htm>
- Plato. (1994). Sed'moe pis'mo [Seventh letter]. In Plato, *Sobranie sochinenii* [Collected works] (in 4 vols., Vol. 4, pp. 475–504). Moscow: Mysl'.
- Rozin, V. M. (2008). *Nauka: proiskhozhdenie, razvitie, tipologiya, Novaya kontseptualizatsiya* [Science: origin, development, typology, new conceptualization]. Moscow; Voronezh: MPSI; NPO “MODEK”.

- Rozin, V. M. (2010). Postroenie teorii myshleniya – “sinyaya ptitsa” G. P. Shchedrovitskogo [Building a theory of thinking – the “blue bird” of G. P. Shchedrovitsky]. In *Georgii Petrovich Shchedrovitskii* [Georgy Petrovich Shchedrovitsky] (pp. 71–109). Moscow: ROSSPEN.
- Rozin, V. M. (2011). *Nauchnye issledovaniya i skhemy v Moskovskom metodologicheskom krughe* [Scientific research and schemes in the Moscow Methodological Circle]. Moscow: Foundation “Institute for Development named after G.P. Shchedrovitsky”.
- Rozin, V. M. (2015a). *Myshlenie: sushchnost' i razvitiye. Kontseptsiya myshleniya. Rol' myslyashchei lichnosti. Tsikly razvitiya myshleniya* [Thinking: the essence and development. Thinking concept. The role of a thinking person. The cycles of thinking development]. Moscow: LENAND.
- Rozin, V. M. (2015b). “Pir” Platona: *Novaya rekonstruktsiya i nekotorye reminitsentsii v filosofii i kulture* [Plato’s “Symposium”: a new reconstruction and some reminiscences in philosophy and culture]. Moscow: Institute of Philosophy of the RAS.
- Shchedrovitskii, G. P. (1995a). O razlichii iskhodnykh ponyatii sodержatel'noi i formal'noi logiki [On the difference in the initial notions of conceptual and formal logic]. In G. P. Shchedrovitskii, *Izbrannye trudy* [Selected works] (pp. 34–50). Moscow: Shkola Kul'turnoi Politiki.
- Shchedrovitskii, G. P. (1995b). Skhema mysledeyatelnosti – sistemno-strukturnoe stroenie, smysl i sodержanie [The scheme of thought activity – systemic-structural structure, meaning and content]. In G. P. Shchedrovitskii, *Izbrannye trudy* [Selected works] (pp. 281–299). Moscow: Shkola Kul'turnoi Politiki.
- Shchedrovitskii, G. P. (2004). Problemy logiki nauchnogo issledovaniya i analiz struktury nauki [Problems of the logic of scientific research and analysis of the structure of science]. In *Iz arkhiva G.P. Shchedrovitskogo* [From the archive of G.P. Shchedrovitsky] (Vol. 7, pp. 9–75). Moscow: Put'.
- Shchedrovitskii, G. P. (2005). *Znak i deyatelnost'* [Sign and activity]. Moscow: Vostochnaya literatura, RAS.
- Shchedrovitskii, G. P. (2006). *O metode issledovaniya myshleniya* [On the method of thinking research]. Moscow: Foundation “Institute for Development named after G.P. Shchedrovitsky”.
- Shchedrovitskii, L. P. (1997). A byl li MMK? [Was there MMK?]. *Voprosy Metodologii*, 1–2, 49–58.
- Shvyrev, V. S. (2001). Metodologiya [Methodology]. In *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New philosophical encyclopedia] (in 4 vol., Vol. 2, p. 553). Moscow: Mysl'.
- Tikhomirov, O. K. (2002). *Psikhologiya myshleniya* [Psychology of thinking]. Moscow: Akademiya.
- Tomyuk, O. N. (2011). Kontseptsiya opyta v instrumentalizme Dzhona D'yui [The concept of experience in the instrumentalism of John Dewey]. In *Epistemy* (Iss. 6, pp. 28–34). Ekaterinburg: Azhur. https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/25871/1/episteme_2011_04.pdf